

ДЖЕННИФЕР НИВЕН
С ЧИСТОГО ЛИСТА

От автора бестселлера «Ты не виноват»!

Дженнифер Нивен

С чистого листа

Серия «Настоящая сенсация!»

Текст предоставлен издательством
<https://litres.ru/27099813>
С чистого листа: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-104295-0

Аннотация

<p>Все думают, что знают Либби Страут, ведь когда-то пресса окрестила ее «самым толстым подростком Америки». Но мало кому интересно, что Либби, пытаясь справиться со смертью матери, просто заедала свое горе. Теперь же она готова начать жизнь с чистого листа: пойти в старшие классы, встретить новых друзей и, возможно, даже новую любовь...</p> <p>Все думают, что знают Джека Масселина. Он – веселый и симпатичный парень, душа любой компании. Однако за этой маской Джек скрывает собственную тайну. Тайну, которая делает его еще более одиноким, чем Либби.</p> <p>Встретившись, смогут ли они изменить друг друга и стать счастливыми? А еще доказать, что настоящая любовь смотрит глазами души...</p>

Содержание

Восемнадцать часов назад

7

Конец ознакомительного фрагмента.

41

Дженнифер Нивен

С чистого листа

Jennifer Niven

HOLDING UP THE UNIVERSE

© Jennifer Niven, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Керри, Луису, Анджело и Эду – вы помогаете мне держаться за мой мир, а также всем моим читателям – вы этот мир олицетворяете

– Аттикус, он же был очень милый...

– Все люди хорошие, Глазастик, когда их в конце концов поймешь.

Харпер Ли. Убить пересмешника

Я не гад, но собираюсь совершить нечто гадкое. И ты меня возненавидишь, и кое-кто еще меня возненавидит, но я все равно это сделаю, чтобы защитить тебя, да и себя тоже.

Это прозвучит как отговорка или самооправдание, но я страдаю тем, что называется «прозопагнозия», то есть не могу узнавать лица людей, даже тех, кого люблю.

Даже свою маму. Даже себя самого.

Представь, что заходишь в помещение, где полно незнакомых людей, которые ничего для тебя не значат, потому что ты не знаешь их имен или биографий. А теперь вообрази: ты идешь в школу, на работу или, что хуже всего, к себе домой, где должен всех знать, вот только люди там кажутся тебе чужаками.

Вот так у меня складывается жизнь: захожу в помещение и никого там не знаю. Везде и всегда. Но я нашел выход: я запоминаю человека по походке. По жестам. По голосу. По волосам и по прическе. Запоминаю людей по приметам. Я говорю себе: «У Дасти оттопыренные уши и каштановая прическа «афро». Потом запоминаю эти факты, они и помогают мне найти младшего брата, но в действительности я не могу вызвать в памяти его образ с большими ушами и афро-прической, пока он не оказывается передо мной. Запоминать людей – это вроде некой сверхспособности, которой, похоже, обладают все, кроме меня.

Поставлен ли мне официальный диагноз? Нет. И не только потому, что, как предполагаю, это за пределами возможностей доктора Блюма, нашего городского педиатра. И не только потому, что за последние несколько лет на моих родителей свалилось столько проблем, что никому мало не покажется. И не только потому, что лучше *не быть* уродом и посмешищем. Но потому, что в глубине души я надеюсь: это все не так. Может быть, мое отклонение пройдет и рассосется само собой. А пока я живу по таким правилам:

Кивай и улыбайся всем.

Будь любезным и дружелюбным.

Будь «в теме».

Будь, черт подери, веселым.

Ходи на вечеринки, отрывайся, но не пей. Не рискуй потерять самоконтроль (это и на трезвую голову часто случается).

Будь внимателен.

Делай все, что от тебя потребуется. Будь хоть повелителем козлов. Кем или чем угодно, лишь бы не жертвой. Всегда лучше быть охотником, чем дичью.

Я говорю тебе все это не для того, чтобы оправдать то, что намереваюсь сделать. Но, возможно, ты запомнишь мои слова. Это единственный способ удержать моих друзей от того, чтобы они не сотворили еще чего похуже, и единственный способ прекратить эту идиотскую игру. Просто знай, что я никому не хочу причинить боль. *Не этим и не поэтому.* Хотя именно так и случится.

Искренне твой,

Джек.

Р. С. Ты – единственный человек, кто знает, что со мной.

ПРОЗОПАГНОЗИЯ: 1. Неспособность узнавать в лицо знакомых людей, обычно как результат травматических или функциональных поражений мозга. 2. Когда все окружающие – незнакомые или чужие.

Восемнадцать часов назад

Либби

Если бы из лампы у моей кровати выпрыгнул джинн, я бы попросила его исполнить три желания: чтобы мама была жива, чтобы никогда больше не случилось ничего плохого или печального и чтобы меня приняли в группу «Девчата» средней школы Мартина Ван Бюрена – лучший спортивно-танцевальный коллектив в штатах Висконсин, Иллинойс и Индиана.

А что, если тебя не примут в группу «Девчата»?

На часах 03.38, и глубокой ночью мысли начинают дико и беспорядочно скакать, как мой кот Джордж, когда он был еще котенком. Внезапно они принимаются карабкаться по занавеске. Вот раскачиваются, уцепившись за книжную полку. Вот они запускают лапу в аквариум, погрузив голову в воду.

А что, если ты снова попадешь в ловушку? Что, если придется выбивать дверь в столовую или ломать стену туалета, чтобы выпустить тебя? Что, если папа женится, а потом умрет и ты останешься с его новой женой и сводными братьями или сестрами? Что, если ты умрешь? Что,

если никакого рая не существует и ты никогда больше не увидишь мамочку?

Я велю себе спать.

Закрываю глаза и лежу очень смиренно.

Очень смиренно.

Минута за минутой, которые тянутся бесконечно.

Я заставляю свои мысли лечь рядом и говорю им: «Спать, спать, спать».

А вдруг ты придешь в школу и поймешь, что там все по-другому и дети совсем другие, ты никогда не сможешь их догнать, как бы ни старалась?

Я открываю глаза.

Меня зовут Либби Страут. Вы, наверное, слышали обо мне. И, наверное, видели видеосюжет о том, как меня вывозят из моего же дома. По последним данным, это видео посмотрели 6 345 981 человек, так что существует большая вероятность того, что вы – один из них. Три года назад я была Самым Толстым Подростком Америки. В то время я весила 261,2 килограмма, то есть лишний вес составлял 200 кило. Я не всегда была толстухой. Если вкратце изложить мою историю, то у меня умерла мама, и я растолстела, но каким-то образом все же осталась жива. В этом нет ни малейшей вины моего отца.

Через два месяца после моего спасения мы переехали в другой район на другом конце города. Теперь я могу самостоятельно выходить из дома. Я сбросила почти 121 кило-

грамм. Общий вес двух здоровых людей. Мне осталось скинуть еще 76 кило, и меня это вполне устраивает. Я нравлюсь себе такой. Во-первых, теперь я могу бегать. И ездить на машине. И покупать одежду в торговом центре вместо того, чтобы заказывать ее. И я могу кружиться. Кроме того, я перестала бояться, что у меня откажет какой-нибудь внутренний орган, а это, наверное, самое лучшее в моем теперешнем положении.

Завтра у меня первый школьный день аж с пятого класса. Меня станут называть старшеклассницей, что, согласитесь, звучит куда лучше, чем Самый Толстый Подросток Америки. Но трудно испытывать что-либо иное, кроме ВСЕПОГЛОЩАЮЩЕГО УЖАСА.

Я жду, когда начнется приступ паники.

Джек

Кэролайн Лашемп звонит еще до того, как у меня срабатывает будильник, но я перенаправляю ее на голосовую почту. Знаю – что бы там ни было, это не сулит ничего хорошего, и виноват в этом я.

Она звонит три раза, но оставляет всего одно сообщение. Я едва не удаляю его без прослушивания, но вдруг у нее сломалась машина и она попала в беду. Кэролайн все-таки девушка, с которой я периодически встречался последние четыре года. (Да, мы *из тех самых* парочек. Встречаемся-рас-

стаемся, ссоримся-миримся, а все вокруг полагают, что мы наконец-таки поженимся и умрем в один день.)

Джек, это я. Знаю, сейчас у нас пауза в отношениях или вроде того, но она моя двоюродная сестра. Моя ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА. Я серьезно – моя двоюродная сестра, Джек! Если ты хотел отплатить мне за то, что я с тобой рассталась, то поздравляю, урод, тебе это удалось. Если сегодня увидишь меня на занятиях, в коридоре, в столовой или вообще на планете Земля, не заговаривай со мной. И вообще, сделай одолжение и проваливай к черту.

Через три минуты звонит ее кухня, и сначала мне кажется, что она плачет, но потом на заднем плане слышится голос Кэролайн, и кухня принимается орать, а вслед за ней и Кэролайн. Я удаляю сообщение.

Через две минуты приходит эсмэска от Дэйва Камински – он предупреждает, что Рид Янг хочет дать мне в морду за то, что я приударил за его подружкой. Набираю в ответ: «Я твой должник». И это не пустые слова. Если уж считаться, то Кам выручал меня гораздо чаще, чем я его.

Весь этот шум вокруг девчонки, которая, если честно, была так похожа на Кэролайн Лашемп, что – по крайней мере сначала – я решил, это она *и есть*, а значит, происшедшее неким странным образом должно льстить Кэролайн. Это походило на прилюдное признание, что я хочу вернуться к ней, хотя она и бросила меня в первую неделю лета, чтобы встретиться с Заком Хиггинсом.

Я хочу отправить ей это все эсэмэской, но вместо этого выключаю телефон, закрываю глаза и думаю, как бы перебраться обратно в июль. Тогда меня волновало лишь то, не устроиться ли на работу, а также не пошарить ли по местной свалке, не соорудить ли какие-нибудь (умопомрачительные) проекты в своей (чумовой) мастерской и не потусить ли в компании своих братьев. Жизнь сложилась бы куда легче, если бы в ней присутствовали лишь Джек + свалка + чумовая мастерская + умопомрачительные проекты.

Не надо было тебе ходить на эту вечеринку. И не надо было пить. Ты же знаешь, что после выпивки ты шалеешь. Избегай алкоголя. Избегай скопления людей. И людей избегай. Все кончается тем, что ты их злишь.

Либби

На часах 06.33 утра, я давно встала и теперь люблюсь на себя в зеркало. Не так давно, чуть больше четырех лет назад, я не могла и не желала видеть свое отражение. На меня глядело лишь надутое лицо Мозеса Ханта, кричавшего на всю игровую площадку: «Тебя никто никогда не полюбит, потому что ты жирная!» И лица остальных пятиклассников, когда они принимались хохотать. «Ты такая здоровенная, что луну заслоняешь. Мотай домой, толстомяся, домой, к себе в комнату...»

Сегодня я по большей части вижу лишь себя – миленькое

темно-синее платье, кроссовки, средней длины каштановые волосы, которые моя добрейшая, но немного сдвинутая бабуля однажды описала как «точь-в-точь масть шотландских коров». А еще я вижу отражение своего огромного кота, похожего на гигантский, чуть грязноватый ватный шар. Четыре года назад у него диагностировали порок сердца и дали ему полгода жизни. Но я достаточно хорошо его изучила, чтобы знать: Джордж сам решит, когда настанет время уходить.

А сейчас, по-моему, он велит мне дышать.

Так что я дышу.

Я довольно-таки хорошо научилась управлять дыханием.

Смотрю на свои руки, и они не дрожат, хотя ногти обкусаны до самого мяса, и, что странно, я чувствую себя довольно спокойной. Я понимаю: приступ паники так и не случился. Это повод для маленького праздника, так что я ставлю один из старых маминых альбомов и танцую. Танцевать я люблю больше всего на свете и именно танцам собираюсь посвятить всю свою жизнь. Я не брала уроков с десяти лет, *нотанец живет во мне*, и никакое отсутствие тренировки не сможет это изменить.

Я говорю себе: «Может, в этом году ты попытаешься попасть в «Девчат»».

Мысли упираются в стену и застывают там, трясясь. *А что, если этого не случится? А что, если ты умрешь до того, как с тобой произойдет что-нибудь хорошее, удивительное или поразительное?* В последние два года единственное, что

меня волновало, – как остаться в живых. Целью всех людей в моей жизни, включая меня саму, было: *мы должны сделать все, чтобы тебе стало лучше.* И вот теперь мне лучше. *Неужели я их всех подведу, после того как они потратили на меня столько времени и сил?*

Я начинаю танцевать быстрее, чтобы отогнать эти мысли, пока в дверь не стучится папа.

– Знаешь, я сам обожаю начать утро с заводной песенки Пэт Бенатар, но возникает вопрос: а как же соседи?

Я немного убавляю громкость, но продолжаю двигаться. Когда песня заканчивается, нахожу маркер и украшаю кроссовку цитатой. *Пока ты живешь, всегда чего-то ждешь, и даже если знаешь, что будет плохо, что же тут можно поделать? Не можешь же ты перестать жить (Трумен Капоте. Хладнокровное убийство).* Потом тянусь за помадой, которую бабушка подарила мне на день рождения, наклоняюсь ближе к зеркалу и крашу губы в красный цвет.

Джек

Снизу доносится шум воды в душе и голоса. Накрываю голову подушкой, но слишком поздно – я уже проснулся.

Включаю телефон и посылаю эсэмэску сначала Кэролайн, затем Каму, а потом Риду Янгу. Всем пишу, что был очень пьян (преувеличение), что было очень темно (правда) и что не помню ничего из случившегося, поскольку был не только

пьян, но и в голове у меня творилось невесть что. *Это все из-за хрени у меня дома, о которой я сейчас не могу говорить, так что, если сможешь понять меня и снизойдешь сердцем до прощения, я навеки останусь у тебя в долгу.* Фраза о хрени у меня дома – чистая правда.

В сообщении Кэролайн я добавляю немного комплиментов и покорнейше прошу ее извиниться за меня перед кухней. Говорю, что не хочу приносить извинения ей лично, поскольку и так много напортачил, и не хочу делать ничего, что бы еще глубже усугубило наш разлад с Кэролайн. И хотя именно *Кэролайн* бросила *меня*, и хотя мы теперь в очередной раз поссорились, и хотя я не видел ее с *июня*, именно я рассыпаюсь в извинениях в своих эсэмэсках.

Плечусь по коридору в ванную. Больше всего на свете мне сейчас нужен продолжительный горячий душ, но вместо него я получаю струйку тепловатой водички, а потом ледяной сход с айсберга. Через шестьдесят секунд – потому что больше не выдерживаю – я вылезаю из душа, вытираюсь и встаю перед зеркалом.

Так значит, это я и есть.

Эта мысль посещает меня всякий раз, когда я вижу свое отражение. Подразумевая не «Вот черт, это же я», а скорее как «Хм, ну ладно. Что тут у нас?». Наклоняюсь ближе, пытаюсь сложить воедино части своего лица.

Парень в зеркале вполне ничего себе: высокие скулы, широкий волевой подбородок, один уголок рта слегка припод-

няют, словно он только что закончил рассказывать анекдот. В общем-то даже почти симпатичный. То, как он откидывает голову назад и смотрит вокруг, полузакрыв глаза, наводит на мысли о том, что он привык глядеть на всех свысока, словно умен, крут и знает об этом. И тут мне в башку ударяет, что на самом деле он выглядит как полный урод. За исключением собственно глаз. Они смотрят слишком серьезно, а под ними – темные круги, как будто он не выспался. На нем та же футболка с Суперменом, которую я носил все лето.

Что означает этот рот (мамин) вместе с этим носом (тоже маминым) и этими глазами (сочетанием маминых и папиных)? Брови у меня темнее волос, но не такие темные, как у папы. Кожа светло-коричневая, не такая темная, как у мамы, и не такая светлая, как у папы.

Еще одно, что тут не совсем вписывается, – это волосы. Они такие пышные, как львиная грива, и, похоже, им дозволено делать все, что заблагорассудится. Если он хоть чем-то похож на меня, то смотрящий из зеркала парень все рассчитывает. Даже если у него такая буйная и необузданная прическа в стиле афро, то носит он ее не без причины. Чтобы найти самого себя.

Что-то в том, как все эти черты складываются воедино, и помогает людям находить друг друга в этом мире. Что-то в этом сочетании заставляет их думать: Вот это Джек Масселлин.

– Какая у тебя особая примета? – спрашиваю я у своего

отражения, имея в виду настоящую примету, а не прическу в виде львиной гривы. В этот ответственный момент я слышу довольно громкое хихиканье, и за дверью проплывает высокий тощий силуэт. Это явно мой брат Маркус.

– Меня звать Джек, и я такой красавчик, – напевает он, спускаясь по лестнице.

Пять самых неловких моментов моей жизни

(Джек Масселин)

1. Когда мама (сделав новую прическу) забирала меня из детского сада, я в присутствии воспитательницы, других детей и родителей, а также директора обвинил ее в попытке меня похитить.

2. Когда я вступил в любительскую (без ношения формы) футбольную команду в Рейнольдс-парке и пасовал все мячи соперникам, установив рекорд парка в категории «Самый катастрофический и унижительный дебют».

3. Когда я проходил курс лечения у нашего школьного спортивного врача по поводу травмы плеча и, находясь в супермаркете, сказал мужчине, которого принял за нашего

тренера по бейсболу: «Я еще разок схожу на массаж», – после чего узнал, что на самом деле это был мистер Темпл, мамин начальник.

4. Когда я подкатил к Джесселли Виллегас, а это оказалась мисс Арбулата, замещавшая кого-то из заболевших учителей.

5. Когда я решил помириться с Кэролайн Лашемп, а это оказалась ее двоюродная сестра.

Либби

У меня нет водительских прав, так что возит меня папа. Одно из очень многих ожиданий, которые я возлагаю на этот учебный год, – пойти на курсы вождения. Я жду, что отец даст мне какой-нибудь мудрый совет или ободряющее напутствие, но вот самое большее, что он может сказать:

– Такие дела, Либбс. Я заеду за тобой, когда окончатся занятия.

И произносит он это каким-то жутким голосом, словно мы начинаем смотреть фильм ужасов. Потом он улыбается, причем такой улыбкой, которой учат в видеокурсе «Воспитание детей». Это нервная улыбка, приклеенная к уголкам губ. Я улыбаюсь в ответ.

А вдруг я застряну за партией? А вдруг мне придется обе-

дать одной и со мной никто не заговорит до окончания учебного года?

Мой папа – высокий, симпатичный мужчина. Соль земли. Умница (он возглавляет отдел информационной безопасности в одной из крупных компьютерных компаний). Золотое сердце. После того как меня извлекли из дома, он очень из-за этого переживал. Как бы ужасно происшедшее ни сказало на мне, по-моему, он воспринимал это гораздо болезненнее, особенно обвинения в отсутствии заботы и жестоким обращении. Пресса не могла придумать иных причин, почему мне позволили так растолстеть. Репортеры не знали, к скольким врачам папа меня водил и сколько диет мы перепробовали, даже когда он искренне скорбел о смерти жены. Они не знали о еде, которую я прятала под кроватью и в дальних уголках шкафа. Они не знали, что если уж я что задумала, то обязательно добьюсь своего. А я задумала есть.

Сначала я отказывалась разговаривать с репортерами, но в какой-то момент решила показать всему миру, что у меня все нормально, а мой отец – не такой мерзавец, каким его выставили: закармливающий меня конфетами и тортами в попытке удержать и сделать зависимой от себя, наподобие тех девчонок из фильма «Девственницы-самоубийцы». Так что вопреки желанию отца я дала интервью новостному каналу из Чикаго, и оно облетело весь мир: Европу, Азию, а потом снова вернулось в Америку.

Видите ли, мой мир переменялся, когда мне было десять

лет. У меня умерла мама, что само по себе было прискорбно, но потом начались унижения и издевательства. Не важно, что я рано развилась и мое тело внезапно сделалось для меня слишком большим. Я не виню своих одноклассников. В конце концов, мы были детьми. Но мне просто хочется, чтобы все поняли: одновременно сработало множество факторов: издевательства сверстников, потеря самого близкого человека, приступы паники, возникавшие всякий раз, когда мне приходилось выходить из дома. И во время всех этих страданий папа оставался единственным, кто поддерживал меня как мог.

Теперь я говорю отцу:

– А ты знаешь, что Полин Поттер, самая полная женщина в мире, сбросила почти сорок килограммов во время секс-марафона?

– Никакого тебе секса до тридцати лет.

«Это мы еще посмотрим», – думаю я. В конце концов чудеса происходят каждый день. Что означает – возможно, те ребята, которые так надо мной издевались на игровой площадке, повзрослели и осознали свои ошибки. Может, на самом деле они не такие уж плохие. Или же еще более жестокие. Каждая прочитанная мною книга и каждый увиденный фильм несут один и тот же посыл: школа – это самое тяжелое испытание в жизни.

А что, если я случайно на кого-нибудь наору и сделаюсь Толстухой-Грубьянкой? А что, если не подразумевающие

ничего плохого стройные девчонки примут меня как свою и я стану Лучшей Подругой-Пышкой? А что, если станет ясно, что мое домашнее образование на самом деле дотягивает лишь до восьмого, а не до одиннадцатого класса, потому что я слишком тупая, чтобы понять любую классную работу?

Отец говорит мне:

– От тебя требуется одно: пройти и пережить сегодняшний день. Если ничего не получится, мы можем вернуться к домашнему образованию. Просто дай мне один день. Вообще-то – не мне. А себе самой.

Я говорю себе: «Сегодняшний день». Я говорю себе: «Именно об этом ты мечтала, когда до смерти боялась выйти из дома. Именно об этом ты мечтала, когда полгода лежала в постели. Именно этого ты хотела – быть и жить в мире, как все остальные». Я говорю себе: «Тебе понадобилось два с половиной года тренировочно-реабилитационных лагерей, хождений по консультантам, психологам, врачам, специалистам по коррекции поведения и тренерам, чтобы подготовиться к этому дню. В течение двух с половиной лет ты проходила по десять тысяч шагов в день. И каждый из них вел тебя сюда».

Я не умею водить машину.

Я никогда не была на танцах.

Я полностью пропустила средние классы.

У меня никогда не было бойфренда, хотя я все-таки од-

нажды в лагере целовалась с мальчиком. Его звали Робби, и теперь он остался на второй год где-то в Айове.

Кроме мамы, у меня никогда не было лучшей подруги, если не считать друзей, которых я сама себе выдумала, – трех братьев, живших напротив нашего старого дома. Я назвала их Дином, Сэмом и Кастиэлем, поскольку они ходили в частную школу и настоящих их имен я не знала. Я притворялась, что они мои друзья.

Отец так нервничает и так исполнен надежды, что я хватаю свой рюкзак и выталкиваю его на тротуар, после чего стою напротив школы, а мимо меня идут люди.

А вдруг я стану опаздывать на все уроки, потому что не могу слишком быстро ходить, и меня заставят оставаться после занятий, а там я увижу единственных ребят, которые обратят на меня внимание: наркоманы и малолетние преступники, – потом влюблюсь в одного из них, забеременею, вылечу из школы еще до выпуска и проживу с отцом до конца жизни или по крайней мере до того, как ребенку исполнится восемнадцать?

Я едва не возвращаюсь к машине, но отец по-прежнему сидит там, продолжая обнадеживающе улыбаться.

– Такие дела.

На этот раз он говорит эти слова громче и – клянусь – показывает мне в знак поддержки поднятый вверх большой палец.

Вот почему я сливаюсь с общим потоком, который под-

хватывает меня и несет до самых дверей, где я жду своей очереди, чтобы открыть рюкзак для осмотра охранником, пройти через металлодетекторы и попасть в длинный коридор, разветвляющийся в разные стороны. Меня толкают руками и локтями. Я думаю: «Где-то в этой школе может быть парень. Один из этих милых молодых людей может оказаться тем, кто в конце концов покорит мое сердце и тело. Я – Полин Поттер из средней школы Мартина Ван Бюрена – намереваюсь сексом сбросить с себя лишний вес». Я гляжу на всех проходящих мимо ребят. *Может, это вон тот парень или же вот этот. Вот в чем красота этого мира. Сейчас парень вон там или вот тут ничего для меня не значит, но скоро мы встретимся и изменим мир – мой и его.*

– Да шевелись ты, толстозадая, – бросает кто-то. Я чувствую, как эти слова колют меня, словно иголкой, словно мир пытается проколоть меня, как прокалывает пузырь моих мыслей. Я медленно двигаюсь вперед. Моя полнота обладает великим преимуществом – я могу проложить себе дорогу.

Джек

Как и прическа, машина тоже часть имиджа. Это отреставрированный «Ленд Ровер» 1968 года, который мы с Маркусом выкупили у престарелого дяди. Сперва его использовали на полевых работах, потом он просто ржавел сорок с лишним лет, но теперь это частично джип, частично внедо-

рожник, и в нем сто процентов крутизны.

Сидящий на пассажирском месте Маркус дуется.

– Урод, – произносит он вполголоса, отвернувшись. К несчастью для меня, он месяц назад получил водительские права.

– Ты просто душка. Надеюсь, одиннадцатый класс не нанесет вреда твоему мальчишескому очарованию. Будешь рулить в следующем году, когда я стану учиться в колледже.

Если я в колледж поступлю. Если вообще уеду из этого городка.

Он показывает мне средний палец. Сидящий сзади наш младший брат Дасти пинает ногой спинку сиденья.

– Хватит вам цапаться.

– Мы не цапаемся, мелкий.

– Вы прямо как мама с папой. Сделай музыку погромче.

Пару лет назад мои родители вполне между собой ладили. Но потом у папы диагностировали рак. За неделю до подтверждения диагноза я обнаружил, что отец изменяет маме. Он не знает, что мне это известно, и я не уверен, знает ли об этом мама, но иногда теряюсь в догадках. Теперь, кстати, рака у него нет, но все это прошло нелегко, особенно для десятилетнего Дасти.

Я прибавляю звук, из динамиков бухает старый хит Джастина Тимберлейка «Сексбэк», и я чувствую, что снова оказываюсь в своем личном пространстве. У меня есть четыре любимые песни, под которые я бы хотел входить в любое по-

мещение, и это одна из них.

Мы тормозим у ворот школы Дасти, и он выпрыгивает из машины, прежде чем я успеваю его остановить. Бросаюсь за ним, прихватив ключи, чтобы Маркус не смог укатить без меня.

Этим летом Дасти начал ходить с сумкой на тонком ремешке. И никто ничего не сказал – ни мама, ни папа, ни Маркус.

Дасти одолевает половину дорожки, прежде чем я нагоню его. Из всех нас троих кожа у него самая темная, а волосы – цвета потемневшей медной монеты. Вообще-то говоря, мама наполовину темнокожая, наполовину луизианская креолка, и папа – белый еврей. Дасти такой же темнокожий, как и мама. Маркус, напротив, светлый – светлее и быть не может. А я? Я – просто Джек Масселин, такой, какой есть.

– Не хочу опаздывать, – говорит Дасти.

– Не опоздаешь. Я просто хотел... Ты уверен насчет сумки, мелкий?

– Мне нравится. Я могу туда все запихнуть.

– Мне тоже нравится. Это и вправду классная сумка. Но я не уверен, что остальные заценят ее так же, как и мы. Могут найтись ребята, которые станут тебе завидовать из-за сумки и насмехаться над тобой.

Я вижу примерно десяток таких, шествующих мимо нас.

– Не будут они завидовать. Они подумают, что она чудная.

– Я не хочу, чтобы хоть кто-то над тобой насмеялся.

– Если мне хочется носить сумку, я буду ее носить. И не перестану ее носить только потому, что она кому-то там не нравится.

И в эту секунду этот тощий парнишка с оттопыренными ушами становится для меня героем. Когда он уходит, я смотрю, как он двигается, прямой, как стрела, с гордо поднятым подбородком. Мне хочется проводить его до школы и убедиться, что с ним ничего не произойдет.

Семь профессий для страдающих прозопагнозией

(Джек Масселин)

1. Пастух (исходя из того, что неспособность распознавать лица не распространяется на собак и овец).

2. Оператор по взиманию дорожных сборов (исходя из того, что никто из тех, кого ты знаешь, не поедет по дороге, где ты работаешь).

3. Рок-звезда, член бой-бенда, баскетболист команды Национальной баскетбольной лиги или нечто в этом роде (где люди считают, что у тебя огромное самомнение, и не удив-

ляются тому, что ты их не помнишь).

4. Писатель (наиболее рекомендуемое поле деятельности для людей с социальными фобиями и расстройствами).

5. Выгульщик собак / дрессировщик (см. п. 1).

6. Бальзамировщик (разве что я могу перепутать тела).

7. Отшельник (самое идеальное, вот только доход мизерный).

Либби

Я прокладываю себе дорогу до класса, где будет первый урок, и сажусь в ближайшем к выходу ряду на тот случай, если мне в какой-то момент придется убежать. *Якак раз* вписываюсь за стол. Под блузкой у меня вся спина мокрая, а сердце немного колотится. Хотя этого никто не видит. По крайней мере я надеюсь, что никто этого не замечает, потому что нет ничего хуже, чем прослыть потной толстухой. В класс один за другим входят мои одноклассники, некоторые тарашатся на меня. Один или два хихикают. В лицах подростков я не узнаю никого из одиннадцатилетних ребят, которых когда-то знала.

Но школа представляет собой именно то, что я ожидала, и

в то же время чуть больше. Во-первых, в средней школе Мартина Ван Бюрена учатся около двух тысяч человек, так что там всегда царит суматоха. Во-вторых, школьники не выглядят такими прилизанными и ухоженными, как в теле- и кинофильмах о средней школе. Настоящим подросткам не по двадцать пять лет. У кого-то прыщавые лица плюс сальные волосы, у кого-то чистые лица и хорошие волосы, и все мы разного роста и комплекции. Реальные мы нравятся мне куда больше наших телеверсий, хотя, сидя в классе, чувствую себя так, словно я актриса, играющая какую-то роль. Я – выброшенная на берег рыба, новенькая в школе. *Как сложится моя жизнь?*

Решаю для себя, что начинаю здесь все с чистого листа. И что бы со мной ни происходило в одиннадцать, двенадцать, тринадцать лет, теперь не существует. Я изменилась. Они тоже другие, по крайней мере внешне. Возможно, они и не вспомнят, что *эта самая девчонка*. А напоминать об этом я не собираюсь.

Я смотрю им в глаза и одариваю новой папиной фирменной улыбкой, приклеенной к уголкам губ. Это, кажется, их удивляет. Кое-кто улыбается в ответ. Севший рядом со мной парень протягивает мне руку:

– Мик.

– Либби.

– Я из Копенгагена. Я здесь по программе школьного обмена. – Даже несмотря на волосы цвета воронова крыла, он

очень похож на викинга. – А ты из Амоса?

Мне хочется ответить: «Я тут тоже по обмену. Я из Австралии. Я из Франции». Но последние пять лет я разговаривала лишь с мальчишками из тренировочно-реабилитационных лагерей и поэтому ничего не говорю, а лишь киваю.

Он рассказывает мне, как сначала сомневался, ехать ли сюда вообще, но потом решил, что будет очень любопытно и полезно увидеть самое сердце Штатов и «то, как живет большинство американцев». Во всех смыслах.

Я с трудом выдавливаю из себя вопрос:

– Что тебе больше всего нравится в Индиане?

– То, что я однажды соберусь и уеду домой.

Он смеется, и я тоже, и тут в класс входят две девчонки, моментально впиваясь в меня глазами. Одна из них что-то шепчет другой, и они усаживаются перед нами. Что-то в них мне кажется знакомым, но я не могу понять, что именно. *Может, я знала их раньше.* По коже у меня бегут мурашки, и меня снова одолевает чувство, что вот-вот начнется фильм ужасов. Я смотрю на потолок, словно оттуда на меня сейчас рухнет рояль. Потому что знаю: неприятности откуда-нибудь да нагрянут. Так всегда случается.

Я говорю себе, что дам шанс Мику, дам шанс этим девчонкам, дам шанс сегодняшнему дню, а больше всего – дам шанс себе самой. После того как я потеряла маму, раскормила себя чуть ли не до смерти, как меня буквально вырезали из собственного дома на глазах у всей страны, а затем я

перенесла ужасные комплексы упражнений и диеты вкупе с неприязнью соотечественников, получая пышущие ненавистью письма от совершенно незнакомых людей.

Просто отвратительно видеть, как кто-то позволяет себе разъедаться до таких размеров, и не менее отвратительно то, что Ваш отец не принимает против этого никаких мер. Надеюсь, Вы это переживете и облегчите душу перед Богом. Во всем мире столько людей голодают, и просто позорно, что Вы так много едите, в то время как другие недоедают.

И вот я вас спрашиваю: может ли средняя школа сделать то, чего со мной еще не делали?

Джек

У нас в запасе есть минутка, когда мы вкатываемся на парковку на последнее свободное место в ряду машин. Маркус роняет телефон, и когда он снова выпрямляется, передо мной словно совершенно новый человек. Как будто у меня в голове сбрасывается в исходное состояние игрушка «Волшебный экран» и приходится начинать все сначала, соединяя разрозненные части:

Косматые волосы + вытянутый подбородок + длинные жирафы ноги = Маркус.

Не успеваает «Ленд Ровер» остановиться, как он выскакивает на улицу и уже кого-то зовет. Мне хочется сказать: «По-

дожди меня. Не заставляй идти туда одного». Хочется схватить брата за руку и не отпускать, чтобы не потерять его. Вместо этого я, не мигая, гляжу на него, иначе он исчезнет. Потом он сливается с общим потоком, движущимся к школе, как стадо.

В царстве зверей существует масса определений для групп животных. Упорство зебр. Кровожадность ворон. Суровость воронов. И мое любимое – неуклюжесть панд. А как назвать эту группу? Приводящие в ужас ученики? Вызывающие кошмары подростки? Забавы ради, я всматриваюсь в лица проходящих мимо меня людей, выискивая среди них своего брата. Но это словно пытаться выбрать любимого белого медведя из целого выводака.

Я сижу тридцать секунд, наслаждаясь одиночеством: 30, 29, 28, 27...

Вот и все на целый день, пока я не вернусь домой. За эти тридцать секунд я позволяю себе думать о том, о чем не позволю думать в последующие восемь часов. Песня всегда начинается одинаково.

У меня мозги набекрень...

Либби

Урок идет уже двадцать минут, и на меня никто не таращится. Наша учительница, миссис Белк, что-то нам рассказывает, и пока я понимаю, о чем она ведет речь. Мик

шепотом отпускает мне умные комментарии, что делает его или моим новым лучшим другом, или будущим бойфрендом, или, возможно, парнем, с которым я при помощи секса сброшу лишний вес.

Ты вписываешься в здешнюю обстановку так же, как все остальные. Никто не знает, кто ты. Да и кому какое дело. Вот такие дела, подруга. Не прыгай выше головы, но мне кажется, что у тебя все получается.

Тут я смеюсь над очередным комментарием Мика, и что-то вылетает у меня из носа, плюхаясь на его раскрытый учебник.

– Потише, пожалуйста, – произносит миссис Белк и продолжает вести урок.

Я буквально впиваюсь в нее глазами, но по-прежнему вижу Мика периферийным зрением. Я не уверена, что он заметил, чем я в него выстрелила, а посмотреть не решаюсь. *Пожалуйста, не замечай этого.*

Он продолжает нашептывать, словно ничего не случилось, словно мир не рухнет, но теперь мне хочется лишь закрыть глаза и умереть. Я вовсе не с этого хотела начинать. И совсем не это я себе воображала, лежа без сна прошлой ночью и представляя себе триумфальное возвращение в общество сверстников.

Может, он подумает, что это такая странная американская традиция. Нечто вроде эксцентричного обычая приветствовать приезжающих в нашу страну иностран-

цев.

Остаток урока я напряженно слежу за тем, что рассказывает миссис Белк, упершись взглядом в стену класса.

* * *

Когда звенит звонок, две показавшиеся знакомыми девчонки оборачиваются и пристально смотрят на меня, и я вижу, что это Кэролайн Лашемп и Кендра Ву, которые мне знакомы с первого класса. После того как меня вызволили из моего дома, репортеры брали у них интервью, описывая обеих как близких подруг попавшей в беду девочки. В последний раз, когда я видела их лично, Кэролайн представляла собой домашнюю одиннадцатилетнюю девчушку, которая постоянно носила шарф с Гарри Поттером, какая бы жара на улице ни стояла. Еще ее отличало от остальных то, что она переехала в Амос из Вашингтона, где ходила в детский сад, а также то, что она ужасно стеснялась своих ног с очень длинными пальцами, загибавшимися вниз, словно когти попугая. О Кендре мне запомнилось то, что она писала фан-прозу о Перси Джексоне у себя на джинсах и каждый день из-за чего-то плакала – из-за мальчиков, домашних заданий, дождя.

Теперь Кэролайн, конечно же, вымахала за два метра ростом и превратилась в красотку, которой впору рекламировать шампунь. Она носит юбку и короткий обтягивающий жакет, словно ходит в частную школу. Кендра, у которой

улыбка, похоже, вытатуирована на лице, одета во все черное и достаточно милостива для того, чтобы работать распорядительницей в ресторане «Эпплби» в престижном районе города.

– Я видела тебя раньше, – говорит мне Кэролайн.

– Я постоянно это слышу. – Кэролайн пристально вглядывается в меня, и я понимаю, что она пытается меня вспомнить. – Я тебе помогу. Меня все путают с Дженнифер Лоуренс, хотя мы даже не родственницы. – Брови у нее приподнимаются, словно резиновые жгутики. – Я же знаю, верно? В это трудно поверить, но я заходила на генеалогический сайт Ancestry.com и тщательно там все проверила.

– Ты та девчонка, которая не смогла выбраться из дома. – Она обращается к Кендре: – Пожарным пришлось буквально вырезать ее оттуда, помнишь? Мы были в новостях.

Она сказала не «ты Либби Страут, девчонка, которую мы знаем с первого класса», а «ты та девчонка, которая не смогла выбраться из дома и из-за которой мы попали в телевизор».

Мик из Копенгагена за всем этим наблюдает. Я говорю:

– Ты снова думаешь о Дженнифер Лоуренс.

Голос у Кэролайн становится тихим и сочувственным:

– Как у тебя дела? Я так волновалась. Даже представить себе не могу, что тебе тогда пришлось испытать. Но Господи Боже, ты так много веса сбросила. Правда, Кендра?

Номинально Кендра по-прежнему улыбается, но верхняя

часть ее лица нахмурена.

– Да, много.

– Ты очень симпатично выглядишь.

Кендра по-прежнему улыбается-хмурится.

– Мне очень нравятся твои волосы.

Одна из худших фраз, которую хорошенькая девчонка может сказать толстушке, – это «ты очень симпатично выглядишь». Или же «мне очень нравятся твои волосы». Я понимаю, что сборище одних лишь красоток ничем не лучше сборища одних лишь толстухек. И я также понимаю, что быть можно одновременно и красоткой, и толстушкой (здрате вам!), но по опыту знаю, что подобные фразы девчонки вроде Кэролайн Лашемп и Кендры Ву говорят тебе тогда, когда на самом деле думают совсем о другом. Это комплименты из жалости, и я чувствую, как умирает частичка моей души. Не говоря ни слова, Мик из Копенгагена встает и выходит из класса.

Джек

Кэролайн Лашемп – моя подружка. Ну, почти что подружка. Думаю, так сложилось потому, что она была взбалмошная, милая, но более всего – умная. Когда я на нее запал, она относилась к тому типу людей, которые не выставляют свой ум напоказ, – это пришло позже. Тогда она непринужденно сидела и впитывала все как губка. Мы разговаривали по те-

лефону после того, как все ложились спать, и она рассказывает, как у нее прошел день, – что она видела, о чем думала. Иногда мы болтали всю ночь напролет.

Сегодняшняя Кэролайн – высокая и эффектная, но главная ее особенность состоит в том, что она может расколоть компанию. Она нагоняет страху на всех, даже на учителей, по большей части потому, что теперь высказывается *– всегда* – и говорит все, как есть. Главная причина, по которой мы по-прежнему поддерживаем отношения, – это их история. *Я знаю, что она должна находиться где-то рядом, даже если нет никаких признаков ее присутствия.* Новая Кэролайн появилась внезапно в десятом классе, и это означает, что прежняя Кэролайн может (вероятно) вернуться в любой момент. Другая причина состоит в том, что мне почти всегда ее легко узнать.

Я сворачиваю в свой самый нелюбимый коридор за библиотекой, туда, где находится запирающийся шкафчик Кэролайн. Когда я учился в девятом классе, то подрабатывал в библиотеке, и если вдруг наталкивался на кого-то из ее сотрудников, они все со мной здоровались и спрашивали, как моя семья, а я вроде бы должен был знать, кто они.

Когда я иду, окружающие здороваются со мной, и это тоже кошмар какой-то. Я добавляю в походку немного развязности, слегка улыбаясь всем подряд, шагаю непринужденно, но, очевидно, обделяю кого-то вниманием, потому как слышу за спиной:

– Урод.

Воды ненадежны. И зыбки. Это первое, что я узнал о школе. Сегодня ты всеобщий любимец, назавтра – изгой. Просто спросите Люка Ревиса – самый назидательный пример в истории нашей школы. В девятом классе Люк был героем, пока все не узнали, что отец у него сидел в тюрьме. Теперь Люк тоже сидит, и лучше бы вам не знать за что.

В данный момент коридор просто кишит потенциальными Люками. Одного мальчишку запихивают в шкафчик. Другой спотыкается о чью-то подставленную ногу и врезается в кого-то еще, а тот отталкивает его, пока бедняга не начинает перелетать от одного парня к другому, словно волейбольный мяч. Девчонки последними словами кроют одну девочку прямо той в лицо, пока она не отворачивается с красными от слез глазами. Еще одна девчонка идет со свисающей со спины большой алой буквой «А», отчего народ хихикает ей в спину, потому что к этой шутке приложили руку все, кроме Эстер Принн – героини романа «Алая буква». На одного смеющегося в коридоре приходится пятеро, имеющие жалкий или кошмарный вид.

Я пытаюсь себе представить, что бы произошло, если бы все в школе знали обо мне: они просто подходили бы ко мне и крали что-нибудь или угнали бы мою машину, потом вернулись бы и принялись помогать мне ее искать. Это парень мог бы выдавать себя за того, а эта девчонка – вон за ту, и всем было бы до чертиков весело. Все бы ржали, кроме меня.

Мне хочется шагать, пока не дойду до главной двери на улицу, а потом рвануть отсюда к чертовой матери.

– погоди, Масс, – слышу я у себя за спиной и прибавляю шаг.

– Масс!

Вот зараза! Да отвали ты, кто бы ты ни был.

Парень переходит на бег и догоняет меня. Он примерно моего роста и довольно коренастый. У него каштановые волосы, и одет он в ничем не примечательную рубашку. Я оглядываю его рюкзачок, книгу в руках, ботинки – все, что может подсказать, кто же это. А он тем временем завязывает разговор.

– Брат, тебе надо слух проверить.

– Извини. У меня встреча с Кэролайн.

Если он ее знает, это сработает.

– Вот черт.

Он ее знает. Что касается Кэролайн Лашемп, то большинство людей разделяется на два лагеря – на тех, кто в нее влюблен, и на тех, кто от нее в ужасе.

– Неудивительно, что ты где-то в другом месте. – Его слова и интонация указывают, что он относится к лагерю «ужаснутых». – Я просто подумал, что ты, может, захочешь сказать мне это в лицо.

Еще один кошмар – когда в разговоре тебе не от чего оттолкнуться.

– Что сказать-то?

– Ты это серьезно? – Он останавливается посреди коридора, и щеки у него начинают багроветь. – Она моя *подружка*. Тебе еще повезло, что я из тебя дух не вышиб.

Это почти на сто процентов Рид Янг, но существует вероятность, что кто-нибудь еще. Я решаю отделяться общими фразами, взяв насколько возможно конкретный тон.

– Ты прав. Мне повезло, и не думай, что я этого не оценил. Я твой должник.

– Это да.

Я слышу громкие и возбужденные голоса, словно у грабящих деревню бандитов. Люди прижимаются к стенам, и появляется пара парней, огромных, как футбольное поле. Они спрашивают:

– Как жизнь, Масс? Слышали, ты здорово зажег на вечеринке.

Оба истерически смеются. Может, я их и не узнаю, но они явно мои друзья. Один из них задевает плечом какого-то мальчишку, после чего говорит бедняге, чтобы тот смотрел, куда прет.

– Парень, маленьких уважать надо, – говорю я футбольному полю. Потом киваю Риду и обращаюсь к нему: – Да, брат. Ты хороший друг.

Это не совсем так, но мы с ним играем в одной бейсбольной команде с девятого класса.

– Ладно. Мне очень хочется хорошенько тебе надавать, но только чтобы это в последний раз.

– В самый последний.

Он смотрит в сторону библиотеки. Напротив нас, у ящиков, стоит девушка и разговаривает по телефону. Парень вздрагивает.

– Не хотел бы я сейчас оказаться на твоём месте.

И быстро скрывается в противоположном направлении в сопровождении футбольных полей в человеческом облике.

Подходя ближе к девушке, я замечаю светлые глаза на фоне темной кожи и родинку, которую она рисует рядом с правой бровью, хотя все знают, что эта родинка ненастоящая.

Беги, пока еще есть возможность.

Девушка поднимает взгляд.

– *Серьезно?* – спрашивает она, и да – это Кэролайн. Она не ждет, просто поворачивается, чтобы войти в библиотеку, где я за столом вижу библиотекарей, ждущих, пока я зайду, чтобы там потешаться надо мной.

Я хватаю ее за руку, резко разворачиваю, и хотя мне этого не хочется, прижимаю к себе и крепко целую.

– Вот что мне надо было сделать в субботу, – говорю я, разжимая объятия. – Вот что надо было делать все лето.

Ахиллесова пята Кэролайн – романтические комедии и любовные романы про вампиров. Ей хочется жить в мире, где горячий парень страстно обнимает девушку и впивается в нее поцелуем, потому что он настолько одержим желанием, что теряет остатки разума. Так что я касаюсь ее лица, завожу прядь волос за ухо, стараясь не испортить причёску, иначе

она разъярится. По какой-то причине мне трудно смотреть человеку в глаза, а это значит, что я смотрю на ее губы.

– Ты такая красивая.

Осторожнее. Ты именно этого хочешь? Мы это уже проходили, дружище. Что, и вправду хочется снова повторить?

Но в глубине души я нуждаюсь в ней. И ненавижу себя за это.

Я чувствую, что она смягчается. Если я достаточно хорошо знаю Кэролайн, то это самый лучший подарок, который я только мог ей преподнести, – сделать так, чтобы простила она

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.